

С Сы Ханьцзюэ во главе, даже он действовал размеренно и методично.

Спустя несколько минут служба охраны прислала все записи с камер наблюдения. Цзян Юй нервно проматывал их в поисках признаков проникновения, одновременно ожидая возвращения Сы Ханьцзюэ.

...

Тан Сяотана дети затащили на спортивную площадку играть в «Ястреба и цыплят». Тан Сяотан был наседкой, за ним цепочкой тянулась вереница птенцов. Гу Пэн раскинул руки; рукава его просторной дизайнерской куртки, намеренно сделанные широкими и свободными, в сочетании с его свирепой внешностью делали его похожим на злого и опасного ястреба.

Звонкий смех разносился повсюду. Гу Пэн изначально стеснялся играть в такую детскую игру, но, как выяснилось, втянувшись, он стал азартнее всех. Он любил паркур и внедорожные забеги, его выносливость была несоизмерима с детской, и он гонял наседку с цыплятами по всей площадке, вызывая визги смеха и паническое бегство.

Картина была гармоничной и составляла разительный контраст с тревожным и напряженным Цзян Юем и Сы Ханьцзюэ.

Через мгновение капля дождя упала на кончик носа Тан Сяотана.

Ой, дождь пошел.

Небо давно затянулось тучами, но они так веселились, что даже тучи были бессильны. Видя, что дождь усиливается, Тан Сяотан поспешно стал собирать детей обратно в класс. Малыши, не нагулявшись, облепили старшего брата Сяотана, требуя рассказать им сказку.

Тан Сяотан сам был по натуре ребенком и к тому же легко поддавался всеобщему веселью, совершенно не замечая времени. С радостью он повел детей в класс продолжать игры.

Гу Пэн, словно овчарка, шел позади малышей, хватая зазевавшихся птенчиков, пытавшихся сбежать поиграть в другое место, и возвращая их в общую стайку.

Ни один не должен потеряться.

С хитрой ухмылкой он подбежал к самому началу цепочки и, подражая детям, ухватился за рукав Тан Сяотана.

— Старший брат Сяотан, не теряй меня.

Тан Сяотан рассмеялся звонким смехом.

Гу Пэн тоже рассмеялся.

Над головой было пасмурное небо, но в душе царила невиданная ранее ясность.

Едва они вошли в учебный корпус, как дождь хлынул ливнем.

Под корпусом была длинная галерея, увитая глициниями. Они изо всех сил старались распуститься в последнем великолепии, чтобы без сожалений увянуть с наступлением холодов. Густые, ароматные фиолетовые лепестки, всех оттенков, устлали землю под ногами, и наступать на них было мягко.

Один из детей постарше вдруг указал вдаль.

— Старший брат Сяотан, та спортивная площадка, где мы только что играли, раньше была площадкой для сушки белья, помнишь?

Тан Сяотан поднял взгляд.

Вокруг просторной спортивной площадки лежала оранжевая беговая дорожка. Половина площадки была заасфальтирована, на ней гордо стояли две баскетбольные стойки. Другая половина представляла собой зеленое искусственное покрытие с двумя футбольными воротами, белыми и обращенными друг к другу. Из-за дождя на площадке никого не было.

Серая дождевая дымка окутывала всю площадку. Промокнув, оранжевая дорожка и зеленый газон казались темнее, пропитанные холодом, словно красные цветы и зеленые листья, пышно цветущие в конце жизни осенью.

Они только что играли на этом искусственном газоне, и, оглянувшись, все еще можно было увидеть следы от беготни, измявшие траву.

Тан Сяотан обернулся и внимательно посмотрел на безмолвную площадку.

Он вспомнил первую главу манхвы «Конфетка господина Сы» — их встречу с господином Сы.

Он поднял взгляд и увидел в дальнем углу площадки знакомую большую иву.

Площадка для сушки белья превратилась в спортплощадку, но ива в углу ничуть не изменилась.

Бессчетные тонкие ветви скрывали белые ворота, бесшумно стоявшие под дождем.

Если бы это был солнечный день, теплый золотистый свет стелился бы по земле, как тонкая вуаль. Мужчина в черном костюме, окруженный свитой, с холодным лицом вышел бы из-за ивы. Он хмуро посмотрел на план детского дома, который подал подчиненный, поднял глаза и увидел за развевающимися белыми простынями послушного и красивого юношу.

Солнце, зелень деревьев, детский дом, наполненный смехом и радостью.

Ты поднимаешь глаза и видишь того самого, предназначенного тебе судьбой человека.

В «Конфетке господина Сы» было написано так:

[Господин Сы, в тот миг я понял, что пропал.

Вы подошли ко мне, в кабинете терпеливо расспрашивали о моих делах. Я так нервничал, что ладони вспотели, и не смел поднять глаза, чтобы посмотреть Вам в лицо.

Я думал, как в мире может быть такой добрый и мягкий человек, как Вы.

Я не мог не влюбиться.

Кто бы мог устоять перед таким Сы Ханьцзюэ?]

Эти невысказанные слова любви были написаны в одиноком уголке, разделенные строками в комиксе. Юноша смотрел, как мужчина приближается, и встал перед ним спиной к свету,

спросив:

— Как тебя зовут?

Первая любовь, пустившая корни и давшая ростки.

У Тан Сяотана сжалось сердце, и в глазах мгновенно навернулись слезы.

Гу Пэн чутко уловил его настроение, тут же потянул за капюшон и присел на корточки.

— Что случилось? Эй, не плачь!

Слезы неудержимо покатались по нежным щекам. Тан Сяотан шмыгал носом, но никак не мог взять себя в руки.

Окружающие дети не решались заговорить. Лишь спустя некоторое время мальчик постарше робко протянул пачку салфеток.

— Старший брат Сяотан, ты... что с тобой?

— Ни... ничего...

Тан Сяотан плакал так, что нос покраснел, и легкий румянец, словно тонкий слой румян, лег на крылья носа и скулы.

Гу Пэн, хулиган с улиц, в панике вытирал ему слезы, сам находясь в полной растерянности.

Это маленькое солнышко, дарившее другим тепло и свет, как вдруг расплакалось?

— Вернусь я... — Тан Сяотан был и зол, и расстроен, всхлипывая и шмыгая носом, его мягкий голос прерывисто выговаривал невысказанную обиду. — Вернусь я и убегу из дома!

— Хозяина полюбил кто-то другой!

— Сахар сердит!

— Сахар убежит из дома!

Гу Пэн фыркнул:

— Чтобы убежать из дома, тебе сначала нужно вернуться домой, верно?

Глаза Тан Сяотана покраснели, как у кролика, у которого отняли морковку. Он сказал совершенно естественно:

— Конечно! Еще нужно при хозя... при старшем брате собирать вещи!

Взгляд Тан Сяотана стал хитрым, в критический момент он придумал хозяину другое обращение.

Говорят, среди людей обращение «хозяин» имеет странный оттенок.

Лучше уж называть так наедине.

Взгляд Гу Пэна померк.

— Старший брат? Родной?

Тан Сяотан надменно ответил:

— Конечно нет! Сахар его любит!

Гу Пэн:

— А.

Внутренне: Черт!

Он скрестил руки на груди, но верхняя часть тела инстинктивно потянулась к Тан Сяотану — поза, подсознательно выражающая желание избежать чего-то, но в то же время страстно ищущая родственную душу.

— Ты гомосексуал?

Тан Сяотан поднял на него глаза, недоуменный и озадаченный.

Что такое гомосексуал?

Мальчик постарше тоже услышал эти слова, и его лицо мгновенно потемнело, в глазах залег мрачный туман. Он спросил с некоторым страхом:

— Старший брат Сяотан, гомосексуалы... это... это отвратительно?

Мальчику на вид было лет тринадцать-четырнадцать, как раз возраст психологического развития. Дети в эти годы еще не умеют хорошо скрывать чувства, и он смотрел на Тан Сяотана с тревогой и ожиданием.

Гу Пэн затаил дыхание, губы его побелели, и его взгляд, как и взгляд мальчика, был устремлен на Тан Сяотана.

Казалось, ответ Тан Сяотана определит будущую судьбу.

Тан Сяотан моргнул, в глазах его читалась простая растерянность. Он развел руками.

— Откуда же сахару знать?

Гу Пэн и мальчик застыли. Мальчик был слишком мал, психика слаба, и в его глазах тут же выступили слезы. Тан Сяотан погладил его по голове.

— Хозя... старший брат говорит, что какие бы чувства ни были, перед Небом все они равны.

— Но сахар думает, что нужно самому чувствовать себя равным, только тогда будет равенство, — Тан Сяотан прикусил нижнюю губу, задумчиво размышляя. — Какая польза от того, что другие скажут тебе, отвратительно это или нет? Нужно же самому быть уверенным, верно?

Он посмотрел на Гу Пэна.

— Правильно?

Гу Пэн закрыл глаза.

Он поспешно отвернулся в другую сторону, тыльной стороной ладони стер выступившую в уголке глаза слезу и грубо потер лицо.

— А твои родители? Разве твои родители тебя не контролируют?

Тан Сяотан моргнул.

Спасибо всем, кто голосовал за меня или поливал меня питательным раствором с 2020-11-10 13:18:34 по 2020-11-11 23:59:41.

Спасибо бросавшим гранаты: 27314628 — 2 штуки; Тимошенко — 1 штука.

Спасибо поливавшим питательным раствором: Шэн Гэ, Юй Фэнцин — 10 бутылок; Сяо Сяосяосяо, Цицзы, Ниува — 5 бутылок; Любитель кошек-рыб — 2 бутылки; Цзювэй Байцзэ, Маньтянь Синхэ, Цюн — 1 бутылка.

Огромное спасибо за вашу поддержку, я буду продолжать стараться!

<http://bllate.org/book/15589/1395465>